

На снимке: Александр Исаевич Солженицын с женой Натальей Дмитриевной и младшим сыном Степаном в Вермонте.

Труд. - 1990. - 3 июня Жизнь не по лжи

На вопросы корреспондента «Труда» Т. Куликовой отвечает литературный представитель А. И. Солженицына в СССР, зав. отделом публикаций «Нового мира» В. Борисов.

— Вадим Михайлович, как случилось, что именно вы стали доверенным лицом Солженицына?

— Когда возник разговор о публикации произведений писателя в СССР, стало ясно: кто-то должен представлять здесь его интересы. Наше же знакомство с Александром Исаевичем состоялось более двадцати лет назад благодаря его терпеливой жене Наталье Дмитриевне. Видимо, поэтому Александру Исаевичу удобнее было попросить об этом меня. И теперь я веду от его имени переговоры с журналами и издательствами.

— Наше недавнее прошлое состояло из двух пластов: верхний, сотканный из лжи и полуправды, создавал один «портер» действительности, событий, судеб. А за ним существовал реальный мир, который мы только сейчас в полной мере начинаем познавать. Пропаганда тех лет крепко поработала и над созданием образа Солженицына — врага Отечества. Как удалось Александру Исаевичу выстоять под грузом этих злых, несправедливых обвинений?

— Механизм травли у нас отменно отлажен, и многие люди, попав в его жернова, ломались, изменяли себе. Но Солженицын устоял. Потому к нему и была применена такая дикая насильственная мера, как высылка за границу.

Александр Исаевич — человек необыкновенного мужества. Он воевал, отсидел в лагерях и тюрьмах. В ссылке заболел раком, болезнью, как известно, неизлечимой, и силой духа поборол ее. После всех этих испытаний сумел создать произведения, которые признаны всем миром.

В 1974 году Солженицын написал обращение «Жить не по лжи!». В этом заголовке отражено его жизненное кредо. Он всегда считал, что ложь разъедает наш мозг, наш дух, нашу жизнь. И вся его деятельность, с юности по сегодняшний день, посвящена нашему всеобщему очищению от лжи. Он взял на себя, казалось бы, непосильную для одного человека миссию: освободить историю от многочисленных вредоносных наслоений и в таком подлинном (как ему это представляется) виде передать потомкам.

ИЗ ОБРАЩЕНИЯ А. И. СОЛЖЕНИЦЫНА «ЖИТЬ НЕ ПО ЛЖИ!»: «...Мы так безнадежно расчеловечились, что за сегодняшнюю скромную кормушку отдадим все принципы, душу свою, все усилия наших предков, все возможности для потомков — только бы не расстроить своего утлого существования. Не осталось у нас ни твердости, ни гордости, ни сердечного жара. Мы даже всеобщей атомной смерти не боимся, третьей мировой войны не боимся [может, в щелочку спрячемся], — мы только боимся шагов гражданского мужества! Нам только бы не оторваться от стада, не сделать шага в одиночку — и вдруг оказаться без белых батонов, без газовой колонки, без московской прописки...» [12 февраля 1974 г.]

— Александр Исаевич предвидел перестройку, надеялся на легальное возвращение его книг русскому читателю?

— Конечно, он никогда не мыслил именно в такой терминологии — гласность, перестройка... Но он абсолютно точно знал, что кардинальные перемены наступят. В своем заявлении, сделанном в связи с выходом за рубежом «Архипелага ГУЛАГ», и в ответ на травлю он писал: придет время, когда в СССР эту книгу будут читать широко, открыто, свободно. Вообще он обладает поразительным даром предвидения. Почти все его прогнозы сбываются.

— Следит ли Александр Исаевич за событиями в стране, как и ним относиться?

— Он живет в глухом углу Америки и несколько ограничен в источниках информации. Потому его представления, наверно, не всегда адекватны происходящему. Но есть процессы, истоки которых он наблюдал воочию, еще когда жил в России, следит теперь за их продолжением в современном преломле-

нии. Например, он считает безумием те распри, которые происходят сейчас в литературной жизни. Это, кстати, стало причиной, почему он отложил публикацию своей старой публицистики на несколько лет. Он говорит, что в такой нестабильной ситуации его статьи могут стать поленьями, разжигаящими и дальше костры наших споров. По его мнению, надо с достоинством пройти через эту полосу тяжелейших кризисов, напрячь все здоровые силы общества, чтобы удержать страну на грани катастрофы, а не заниматься бессмысленными раздорами.

Помимо политических, общественных событий, Солженицына, конечно же, очень интересует читательская реакция на его произведения. «Новый мир» получает огромное количество откликов на «Архипелаг», и наиболее интересные я пересылаю в Вермонт. Это для Солженицына большое подспорье. Кстати, письма свидетельствуют о малой эффективности той пропаганды, что велась против Александра Исаевича...

Думаю, что все последние годы главным писательским горем Александра Исаевича был отрыв от живой человеческой среды, к которой он привык. До высылки его всегда окружал плотный слой людей. Они были ему и собеседниками, и помощниками, и представителями народа, для которого он писал, но который лишен был возможности читать эти сочинения. Так что сегодня происходит не только процесс возвращения Солженицына читателю, но и возвращение читателя к Солженицыну.

— Вы недавно были в Вермонте. Не могли бы рассказать, как живет Солженицын?

— От него мало можно получить житейских впечатлений. Человек, работающий с шести утра и до поздней ночи, как бы выпадает из реального бытия. Александр Исаевич живет в отдельном доме, который построил как архивохранилище. Там его библиотека и рабочий кабинет. А семья располагается в другом доме — вроде большой избы, только с окнами почти во всю стену. Все эти годы с ним жили дети, потом они выросли и разъехались. Старший сын востоковед, студент университета. Средний — профессиональный музыкант, завершает свое образование в Лондоне. А младший учится в колледже. Здесь, в Вермонте, Александр Исаевич соединился со своей семьей, здесь, как это ни парадоксально звучит, воссоединился со своими книгами, написанными на родине. На его письменном столе в Вермонте впервые сошлись отдельные главы «Архипелага». До того они прятались частями у друзей, доверенных лиц, пересылались ради безопасности за рубеж. Пожалуй, он впервые получил возможность для свободной, ничем не стесняемой работы.

— Каковы взаимоотношения Солженицына с эмиграцией?

— Эмиграция — понятие многослойное. И в хронологическом, и в социально-нравственном смысле. У Солженицына сложились добрые отношения с представителями первой русской эмиграции. Они были живыми носителями той исторической памяти, которую он копил всю жизнь. Благодаря их свидетельствам писатель добрал колоссальный архив. Много дало Александру Исаевичу общение с людьми, которые в трагических обстоятельствах второй мировой войны оказались на чужбине. Что касается эмигрантов «третьей волны», то в большинстве своем они относятся к Солженицыну недоброжелательно.

Тому — несколько причин. Александр Исаевич живет творником, полностью поглощен своей работой, не участвует в том, что, к сожалению, так характерно для русской зарубежной среды: бесконечная междоусобица в разных эмигрантских изданиях. И кроме всего прочего, в ряде своих заявлений он говорил, что не понимает, какое нравственное право имеют

люди, покинувшие родину, выступать в роли учителей оставленного ими народа. Этого ему многие простить не могут.

— Собирается ли Солженицын вернуться на родину?

— Он много раз говорил, что туристом на свою родину не поедет никогда. Еще как-то сказал, что умрет на родине. А так как предчувствия его редко обманывают, может быть, так оно и будет. Сроки возвращения в Россию находятся в прямой зависимости, во-первых, от широкой публикации его книг в стране. А во-вторых, от возвращения Солженицыну советского гражданства. Несмотря на многочисленные обращения в Верховный Совет СССР и организаций, и отдельных лиц, вопрос этот почему-то не решается...

— Александр Исаевич готов к тому, что его возвращение в Россию попытается использовать самые разные политические силы?

— В расчете, что его имя придаст им вес? Все это надежды, на мой взгляд, тщетны. Солженицын всегда был и остается «независимой державой». И по меньшей мере самонадеянно полагать, что в нашей жизни, распавшейся на многие общественные и политические структуры, Александр Исаевич встанет на чью-либо сторону.

Как-то писатель с горечью заметил: «Со мной обращаются хуже, чем с мертвецом». В этих словах, увы, есть доля истины. Некоторые политические и общественные силы пытаются вырвать из его богатого публицистического наследия «избранные ими места» и интерпретировать их в своих интересах. Скажем, зная о запрете Солженицына, Рой Медведев опубликовал «Письмо вождем Советского Союза». Все это, естественно, вызывает протест Александра Исаевича. Так же как и многочисленные инсценировки его произведений. Наши режиссеры, не дав людям возможности познакомиться с первоисточниками, предлагают свое художественное видение темы, проблемы. Пусть они будут сколь угодно талантливы, но это уже не Солженицын. Его волнует проблема не авторского права (хотя и это было бы логично) — нарушается писательское право определять порядок своего разговора с народом.

— На меня большое впечатление произвело «Письмо вождем Советского Союза». Коль скоро оно уже обнародовано, можно его процитировать?

— Теперь почему бы нет?

ИЗ «ПИСЬМА ВОЖДЕМ СОВЕТСКОГО СОЮЗА»: «...Все погрязло во лжи, и все это знают и в частных разговорах открыто об этом говорят, и смеются и нудятся, а в официальных выступлениях лицемерно твердят то, что положено», и так же лицемерно, со скукой, читают и слушают выступления других, — сколько же уходит на это впустую энергии общества! И вы — открывая газеты или включая телевизор, — ВЫ САМИ разве верите сколько-нибудь в искренность этих выступлений! Да давно уже нет, я уверен. А иначе — глухо же вас отделили от внутренней жизни страны...» [5 сентября 1973 г.]

— Вадим Михайлович, Солженицын всегда был загадкой, ничем иным. Он замыслил колоссальное дело. Его замысел — я имею в виду создание эпопеи «Красное колесо» — требует нечеловеческой работоспособности (в принципе, такое под силу только научно-исследовательскому институту). А Солженицыну уже 71 год, и, я думаю, он торопится закончить начатое. Сейчас, насколько я знаю, он завершает последний, как он называет, «узел» этой эпопеи — «Апрель 17-го». «Новый мир» принял этот будущий роман к публикации, и, если исправится положение с журналом (нет бумаги — ваша газета об этом писала), когда-нибудь, будем надеяться, читатели с ним познакомятся.

— Может, и тому времени и сам Александр Исаевич будет с нами?

— Дай-то Бог...